

Щербакова Ольга Владимировна

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ БАЛЛАД Ф. ШИЛЛЕРА "DER TAUCHER" ("НЫРЯЛЬЩИК") И "DER HANDSCHUH" ("ПЕРЧАТКА") В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

В статье проводится комплексный сопоставительный анализ литературно-критических и литературоведческих интерпретаций жанровых особенностей баллад Ф. Шиллера в русской и немецкой филологической традиции. Изучение особенностей рецепции баллад Ф. Шиллера позволяет составить полную картину восприятия баллад Ф. Шиллера в Германии и России, выявить как схожие, так и диаметрально противоположные суждения о заложенной в балладах Ф. Шиллера нравственной проблематике и о сути корреляции сюжетов баллад в обеих национальных культурах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 200-204. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. **Кондаков Б. В.** «Застой» и историко-литературный процесс // Проблемы литературных жанров / под ред. Н. Н. Киселева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 160-162.
5. **Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.** Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2-х т. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2. 688 с.
6. **Маслова А. Ю.** Введение в прагмалингвистику. М.: Флинта, 2010. 144 с.
7. **Нефагина Г. Л.** Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX века. Минск: НПЖ «Финансы, учет, аудит»; Экономпресс, 1997. 231 с.
8. **Николаева Е. А.** Ментальные смыслы женского литературно-художественного творчества в России. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2005. 168 с.
9. **Петайкин М. В.** Импортный ковер // Край родной: лит.-худ. сб. Саранск, 1981. С. 126-139.
10. **Петелин Г. Н.** Иван Четвертый взбунтовался // Петелин Г. Н. На отшибе. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1996. С. 365-378.
11. **Петрухин В. А.** Пусть птицы улетают... // Восхождение: лит.-худож. сб. / сост. Н. М. Мирская, Ю. Ф. Юшкин. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993. С. 48-58.
12. **Толстой Л. Н.** Конец века: о предстоящем перевороте. М.: Посредник, 1917. 61 с.
13. **Черняк М. А.** Современная русская литература. М. – СПб.: Сага-Форум, 2004. 352 с.

IMAGERY TYPOLOGY IN MODERN LITERATURE OF MORDOVIA

Chushnikova Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Philology
Ogarev Mordovia State University
N.V.Chushnikova@gmail.com

In the article by the material of the short stories by M. V. Petaikin, G. N. Petelin, V. A. Petrukhin and E. S. Batmazova the special characteristics of the style realization of the human types and characters in the modern prose of Mordovia are considered. Based on the social and formal criteria the imagery typology is emphasized (social active hero, temporizing hero) which reflexes the spiritual crisis of the last decades of the XX century.

Key words and phrases: prose; style; image; typology; reminiscence; narration.

УДК 8; 82-1/29

Филологические науки

В статье проводится комплексный сопоставительный анализ литературно-критических и литературоведческих интерпретаций жанровых особенностей баллад Ф. Шиллера в русской и немецкой филологической традиции. Изучение особенностей рецепции баллад Ф. Шиллера позволяет составить полную картину восприятия баллад Ф. Шиллера в Германии и России, выявить как схожие, так и диаметрально противоположные суждения о заложенной в балладах Ф. Шиллера нравственной проблематике и о сути корреляции сюжетов баллад в обеих национальных культурах.

Ключевые слова и фразы: баллада; повесть; Ф. Шиллер; интерпретация; рецепция; В. А. Жуковский.

Щербакова Ольга Владимировна, к. филол. н
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
olga2402@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ БАЛЛАД Ф. ШИЛЛЕРА «DER TAUCHER» («НЫРЯЛЬЩИК») И «DER HANDSCHUH» («ПЕРЧАТКА») В ГЕРМАНИИ И РОССИИ©

Баллада «Der Taucher» (Ныряльщик) была написана Шиллером 5-14 июня 1797 г. и явилась его первым опытом в этом жанре, а 18 июня 1797 г. Шиллер уже сообщил Гете о том, что написал повесть «Перчатка», которую назвал небольшой параллелью к «Ныряльщику»: таким образом, эти два текста изначально характеризуются тесной поэтологической парностью, присущей им в сознании самого их автора. 21 июня того же года Гете, ознакомившись с текстом стихотворения, высоко оценил его в письме к Шиллеру:

«“Der Handschuh” ist ein sehr glücklicher Gegenstand und die Ausführung gut gerathen wir wollen ja dergleichen Gegenstände die uns auffallen künftig gleich benutzen. Hier ist die ganz reine That, ohne Zweck oder vielmehr im umgekehrten Zweck was so sonderbar wohl gefällt. <...> Ich lege den Handschuh wieder bei der zum Taucher wirklich ein artiges Nach- und Gegenstück macht, und durch sein eignes Verdienst das Verdienst jener Dichtung um so mehr erhöht» [8, S. 43]. / В «Перчатке» чрезвычайно удачный сюжет и отлично удавшееся исполнение; впредь вам следует тотчас же использовать подобные сюжеты, едва они придут в голову. Здесь воплощается исключительно чистое деяние, без цели или, точнее, с извращённой целью, что доставляет нам особое

удовлетворение. <...> Возвращаю вам «Перчатку», которая действительно представляет собой удачную параллель и антитезу к «Ныряльщику», которая своим достоинством превозносит достоинство другого поэтического произведения. (*Здесь и далее перевод автора – О. Ц.*)

Проблема жанрового своеобразия является центральной для интерпретаций баллады «Перчатка»: споры историков и литературоведов относительно характеристики, данной Гете балладам, а также относительно причин, побудивших Шиллера дать «Перчатке» жанровый подзаголовок «рассказ», не утихают в немецком литературоведении и по сей день. И если вспомнить, что своей творческой историей и авторской интерпретацией замысла баллады «Ныряльщик» и «Перчатка» тесно связаны между собой, эта доминанта становится вполне понятной: баллада – это лиро-эпический жанр, а подзаголовок «рассказ» относит «Перчатку» в разряд эпических текстов.

В первом издании стихотворения заключительная строка «Перчатки» звучит следующим образом: «*Und der Ritter tief verneigend spricht*». / «И рыцарь, глубоко склоняясь, сказал».

Позже, в первой части своего собрания стихотворений, Шиллер изменяет эту строку на: «*Und er wirft ihr den Handschuh ins Gesicht*», восстанавливая тем самым вариант, который прочел Гете в июне 1797 г.: «Он бросил ей перчатку в лицо».

Внося изменения в заключительные строки своего текста, Шиллер тем самым существенно меняет смысловую последовательность стихотворения: жертвуя яркой пластической эмфатикой реакции рыцаря в качестве ударного момента концепции всего произведения, он лишает «Перчатку» демонстрации причинно-следственной связи между поступком рыцаря и его целью. Вне всяких сомнений, Шиллер при создании своей параллели к «Ныряльщику» думал, скорее, о создании родственного произведения, чем антитезы. Несомненным является и то, что Шиллер хотел написать вторую балладу, и это также понимали Кернер и Гете, которые после прочтения рукописного варианта «Перчатки» отнесли ее, как и «Ныряльщика», к лиро-эпическому разряду баллад. Об этом также свидетельствует письмо Кернера к Шиллеру от 9 июля 1797 года:

«*Ich habe wieder großen Genuß an deinen Balladen gehabt. Besonders ist der Taucher köstlich, auch lieb'ich den Handschuh sehr* <...>» [ibidem, S. 63]. / Вновь с большим наслаждением прочел твои баллады. Особенно великолепен «Ныряльщик», но мне понравилась также и «Перчатка» <...>.

Можно предположить, что в этот момент оба произведения еще не имеют жанровых подзаголовков. Только отдавая свои стихотворения в печать, Шиллер вносит дополнения: «Ныряльщик» получает жанровый подзаголовок «баллада», а «Перчатка» – «рассказ».

Прежде чем перейти к конкретным наблюдениям, позволяющим выявить авторские основания для такой нетипичной жанровой номинации «Перчатки», следует внимательно изучить специфику содержания жанровых номинаций «баллада», «рассказ» и «романс» в немецкой литературной теории рубежа XIII-XIX вв. В XVIII в. под термином «рассказ» в Германии принято было понимать сравнительно небольшое по объему объективно-повествовательное эпическое произведение, лишенное каких бы то ни было аффектированных личностных проявлений авторской позиции и целиком посвященное описанию законченного события. Цель рассказа, по мнению И. Г. Зульцера, достигнута в том случае, если читатель после его прочтения приходит к однозначным выводам: так я должен думать, так я должен поступать и так я никогда не должен делать. Если применить это определение к тексту Шиллера, то немедленно возникает вопрос, должен ли читатель в таком случае вести себя подобно тому, как ведет себя рыцарь в «Перчатке», и не поступать так, как поступает дама? Зульцер называет «рассказ» «краткой эпопеей» и противопоставляет «рассказ» романсу. «Романс» характеризуется как сюжетная разновидность рассказа, в которой повествуется о любви страстного, трагического или зачастую забавного содержания; предмет повествования и форма рассказа должны быть просты и наивны [10, S. 95].

Таким образом, «Перчатка» с трудом может подходить как под историческое определение «рассказ», так и под определение «романс».

К жанру баллады Гете относился с особым вниманием, называя ее то «живым зародышем», «прасеменем» всей поэзии, то образцом искусства, его первичной национальной формой. Специфику неотразимого художественного воздействия баллады он видел в соединении в ней элементов эпоса, драмы и лирики [7, S. 395].

По мнению Н. Оллерса, Гете, используя в своем письме обозначение «антитеза», хотел внести поправку к шиллеровскому определению «небольшая параллель к «Ныряльщику»» и тем самым еще более подчеркнуть, что в «Перчатке» реализуется чистое деяние, без цели или, точнее, с извращенной целью. По мнению Оллерса, некоторые исторические факты свидетельствуют о том, что Шиллер впоследствии предпринял попытку приспособить свое произведение к характеристике, данной Гете. Оллерс высказывает предположение, что, возможно, за время с момента сочинения баллады и публикации «Перчатки» между Гете и Шиллером возникли некоторые несогласия в интерпретации соотношения обоих текстов. Нет никаких сомнений в том, что Шиллер своей «параллелью» хотел развить идейно-тематический комплекс «Ныряльщика» на примере и материале близкой сюжетной ситуации. Это подтверждает тот факт, что в тексте «Перчатки», по сравнению с источником сюжета, опасность, которой рыцаря подвергает его дама сердца, многократно усилена за счет подробной детализации ее описания. Тем самым Шиллер обосновал развязку произведения и вывел общую идею, близкую к идее «Ныряльщика», из событийного плана сюжета. Для Гете, который, предположительно, не был знаком с источником «Перчатки» и не хотел видеть в развязке «Перчатки» поучительного урока, победа рыцаря над опасностью означала только одно – чистоту любви Делоржа, «чистое деяние», за которым ничто не кроется. В «Перчатке» любовь в лице человека, имеющего власть, не искушает, как в «Ныряльщике», и не толкает на непростительное легкомыслие, напротив, она выдерживает искушение и ставит

на место людей, совершающих преступление. Противоположное «Ныряльщику» расположение героев в «Перчатке» также подтверждает мысль о намерении Шиллера создать антитезу:

*Da treibt's ihn, den köstlichen Preis zu erwerben,
Und stürzt hinunter auf Leben und Sterben <...>. /*
И движимый желанием получить драгоценную награду,
Он бросается в пучину на жизнь и погибель <...>.

Именно «драгоценная награда» является целью для юноши в «Ныряльщике».

*Und der Ritter in schnellem Lauf
Steigt hinab in den furchtbarn Zwinger <...>. /*
И рыцарь быстро
Спускается в ужасную клетку <...>.

Рыцаря в «Перчатке» не подгоняет мысль о награде; Кунигунда оказалась недостойной его любви, и это становится предельно очевидно в тот самый момент, когда звучит ее искусительное требование, грозящее гибелью ее рыцарю: «*Eu so hebt mir den Handschuh auf*» <...>. / «Так подымите мне перчатку» <...>.

В этом сюжетном обстоятельстве выявляется глубокое различие двух женских образов дилогии: дочь короля, напротив, стремится избавиться от опасности того, кого она, возможно, если не любит, то готова полюбить: «*Lasst Vater genug sein das grausame Spiel*» <...>. / «Отец, довольно ужасной игры» <...>.

Исследователь делает предположение, что коррекция высказывания Гете «без цели» была интерпретирована Шиллером как разъяснение; и последующее замечание старшего поэта, что «Перчатка» является «антитезой» к «Ныряльщику», он воспринял именно в этом смысле, так как под «целью» он понимал «цель стихотворения», которая вытекала из связи сюжета и идеи. То, что Гете имел в виду только цель самого поступка, что он никоим образом не оспаривал всего практического значения произведения, а также того, что «Перчатка» является балладой, этого вывода Шиллер, по мнению Оллерса, очевидно, из письма Гете не сделал. Цель, которую он преследовал и которая должна была определить всю организацию баллады, казалось, была не распознана самым компетентным читателем, и даже была превратно истолкована как «извращенная цель». Напрашивается вывод, что Гете прочел «Перчатку» не только наивно, но и как наивное поэтическое произведение (описание чистого деяния). Тогда стихотворение было чем-то другим, нежели балладой, чем-то другим, нежели развитие рефлексивно стилизованного сюжета в идею; оно не демонстрировало, как баллада, страдания человека, а лишь описывало как рассказ его поступки. Сначала Шиллер, как считает комментатор, не видел причины принимать во внимание гетевскую интерпретацию идеи «Перчатки». Главным было то, что Гете одобрил произведение. И только когда госпожа фон Штейн попросила смягчить гнев рыцаря, Шиллер, возможно, пришел к выводу, что любое проявление гнева и недовольства плохо подходит для «чистого деяния». «Извращенная цель» требовала до конца соблюдать правила хорошего тона: поклон и уход со сцены. Тем самым, как утверждает исследователь, Шиллеру практически удалось сделать из «Перчатки» антитезу к «Ныряльщику». После того, как Шиллер в своем собрании стихов за 1800 г. заменил вариант первого издания вновь на первоначальный «*Und er wirft ihr den Handschuh ins Gesicht*» («Он бросил ей перчатку в лицо»), он также убрал для запланированного в будущем издания подзаголовок «рассказ» [Ibidem, S. 393].

По мнению В. Зегельбрехта, в балладе «Перчатка» Шиллер представляет другой вариант разрешения конфликта между властителем и его поданным. Конечно, необходимо принимать во внимание разницу отношений, в которые поставлены между собой персонажи: рыцарь и дама в «Перчатке» связаны совсем другими социальными отношениями, нежели оруженосец и король в «Ныряльщике», следовательно, необходимо по-разному расценивать возможности разрешения этих конфликтов. Однако основная сюжетная модель в балладах все же сопоставима, главным образом за счет той символической семантики абсолютного духовного обладания, которым рыцарь связан с дамой своего сердца, подобно тому, как подданный реально связан с королем абсолютным социальным обладанием последнего над первым. Рыцарь в «Перчатке» расценивает требование дамы как акт произвола: это именно то, чем оно и является в действительности. «Перчатка», по мнению исследователя, является параллелью к «Ныряльщику» потому, что в этой балладе установлены допустимые границы человеческой власти. Высказывание Гете: «Перчатка» представляет собой удачную параллель и антитезу к «Ныряльщику», по мнению исследователя, проливает свет на собственное ему понимание «Ныряльщика». С одной стороны, Гете подтверждает мнение Шиллера, что одна баллада является параллелью к другой, с другой стороны, называя «Перчатку» антитезой к «Ныряльщику», он осторожно и сдержанно критикует последнего. В любом случае это можно прочесть в словах Гете; антитеза «Перчатки» идет на пользу «Ныряльщику»: она усугубляет значимость, которой баллада не обладала бы, не будь рядом с ней и после нее «Перчатки». «Перчатка», с ее совершенно иным ответом подданного на требование деспота, является своего рода комментарием к «Ныряльщику» и способствует более верному пониманию баллады. Без решения, которое предлагает «Перчатка», развязка «Ныряльщика» могла быть неправильно истолкована (что имело место в литературной критике), когда считалось, что поведение оруженосца можно оправдать, или что его поведение соответствует собственному предостережению Шиллера о взаимоотношениях между властителем и его поданным. Такое толкование баллады, как считает Зегельбрехт, недопустимо, если в качестве сравнения рассмотреть действия рыцаря в «Перчатке», которые, без сомнения, заслуживают восхищения [9, S. 129].

По мнению М. В. Гётцингера, «Перчатка» является скорее антитезой, чем параллелью к «Ныряльщику». В «Ныряльщике» именно честь и любовь порождают мужество и бесстрашие. В «Перчатке» же, напротив, налицо смелость без всякой на то цели, или, точнее, с извращенной целью, так как рыцарь не желает награды: его поступок – это чистое деяние. То что Шиллер называет свое стихотворение рассказом, лишает его тем самым характера баллады, для этого, как считает исследователь, у поэта могло быть много причин; возможно, одним из жанровых критериев баллады Шиллер считал строгую строфическую форму, определенный стихотворный размер. В метрическом отношении тонический стих «Перчатки» отдаленно напоминает в длинных стихах амфибрахические дольники «Ныряльщика», но категорически не совпадает с размерностью течения балладного стиха резкой прерывистостью вольного метра, колеблющегося в диапазоне от четырех- до одноударного стиха. Зато подобный метр очень хорошо воспроизводит свободу и интонации разговорной речи. Возможно, полагает Гётцингер, выбранный им для «Перчатки» сюжет казался Шиллеру недостойным баллады, так как произведение не содержит никакой нравственной идеи, а представляет собой лишь анекдот [6, S. 301].

И только одна особенность жанрового подзаголовка «рассказ» не получает своего осмысления в работах немецкоязычных литературоведов: это сама манера повествования, отличающая между собой близкородственные в сюжетно-тематическом и идеологическом аспектах тексты. Патетическая эмоциональность авторского повествования, в которое периодически вклинивается прямая речь персонажей, дополнительно драматизирующая в «Ныряльщике» и без того типологически трагедийный сюжет, сменяется в «рассказе» «Перчатки» максимально объективированной, строго описательной и протокольно суховатой, регистрирующей манерой, абсолютно стирающей идею автора как участника и эмоциональный камертон описываемого события в сознании реципиента текста. Именно этот смысл, с русской литературоведческой точки зрения, заключен уже и в гетевском определении «чистое деяние», обрисовывающим эпический, а не лиро-эпический жанровый потенциал шиллеровского текста.

Сюжетная близость баллад оказалась внятна и русским поэтам: об этом свидетельствует вся рецептивная история баллад Шиллера в русской литературе XIX в.: эта история предлагает не только факты парных переводов, но весьма своеобразную и характерную контаминацию их сюжетов в оригинальных текстах, написанных русскими поэтами под влиянием шиллеровских баллад и развивающих их мотивы. Проблема, которая включает в себя определенный комплекс взаимосвязанных аспектов (вопрос морального выбора, вопрос ответственности, вопрос безграничности власти, вопрос нравственной свободы / несвободы личности) заложена Ф. Шиллером в первом тексте рассматриваемой нами дилогии – в балладе «Ныряльщик», и все они получают свое дальнейшее вариативное художественное осмысление во второй части дилогии – в балладе «Перчатка».

Имя Ф. Шиллера в русской литературе неразрывно связано с именем В. А. Жуковского: при всей избирательности своего отношения к наследию немецкого поэта, он все же стал именно тем единственным эквивалентным переводчиком, которому удалось создать хрестоматийный для русской литературы поэтический стиль русских переводов из Шиллера и сформировать совокупность шиллеровских текстов, особенно актуальных для русского эстетического сознания.

Судя по тому, что черновой автограф перевода «Перчатки» в рабочей тетради Жуковского расположен почти вслед за заключительными строфами баллады «Кубок» (с датой «10 марта»), а дата «15 марта», которой отмечено начало работы над переводом «Перчатки», является ближайшей к дате завершения работы над переводом «Кубка», Жуковский, так же как и Шиллер, воспринял эти сюжеты как тесно взаимосвязанные. Можно предположить, что именно это ощущение их внутренней корреляции было причиной решения поэта изменить название шиллеровской баллады «Der Taucher» (Ныряльщик) на аналогичное «Перчатке» объектное название «Кубок», символически концентрирующее в себе смысл происшествия. Принимая во внимание, что для более позднего творчества Жуковского становится характерной «подробная детализация повествования, сокращение психологического конфликта во имя повышения ценности события» [3, с. 81], а также тот факт, что поэт публикует свою балладу лишь спустя двенадцать лет после первого обращения к ней (когда исчезают все препятствующие ее публикации личностные факторы), можно предположить, что автор, вынося в название произведения номинацию предмета – кубок, снимает тем самым соотносительность баллады со своим личным опытом и субъективным мнением на момент ее написания.

Русские литературоведы также рассматривают сюжеты баллад «Кубок» и «Перчатка» как тесно взаимосвязанные, однако если жанровая принадлежность «Кубка» не вызывает у исследователей никаких сомнений, то вопрос относительно жанрового определения «Перчатки» остается открытым в русском литературоведении до сегодняшних дней – и не только потому, что сам Шиллер придал своему «послесловию к «Ныряльщику»» жанровое определение «Eine Erzählung» (рассказ), но и потому, что Жуковский определил жанр своего перевода как «повесть», акцентировав тем самым эпический смысл события, исполненного внутреннего психологического драматизма и в оригинальном тексте развернутого в драматизированной повествовательной форме, маркированной видовременной структурой глаголов несовершенного вида настоящего времени.

В прижизненных изданиях В. А. Жуковского «Перчатка» печаталась в отделе повестей и поэм. В. Г. Белинский включил «Перчатку» в перечень «или лучших, или самых характеристических его [Жуковского] произведений» [1, с. 213], определив жанр этого произведения как «баллада». В ряде советских изданий «Перчатка» печаталась также в отделе баллад, как примыкающая к ним по своей тематике.

В русском литературоведении выделяют следующие типологические свойства жанра баллады: «сюжетная основа, лиро-эпический характер, новеллистическое построение, фрагментарная композиция, динамика

действия, лаконизм и концентрированное использование художественных средств» [2, с. 162]. Баллада драматична сама по себе, она полна напряженного действия и стремительно движется к развязке. Одним из основных предметов повествования баллады является не только эпическое событие как таковое, но также духовный мир героев, авторское отношение к тем или иным явлениям жизни, которое передается посредством описания чувств героев или определенных событий.

Повесть – эпический прозаический жанр, она «<...> подобно рассказу, нередко принимает форму как бы устного рассказывания, стремится в буквальном смысле слова «поведать», а не «вообразить», в объективной, «безличной» манере» [5, с. 271].

В балладе «Кубок» драматический элемент и авторское субъективное отношение заключены в описании бушующего моря, которое олицетворяет собой бездну человеческой души, бурю человеческих чувств. Повествование в балладе ведется от третьего лица рассказчика, и одна часть баллады оформлена как описание ощущений не персонажа повествования, а самого рассказчика, хотя и не персонифицированного: в тексте присутствуют ремарки, густо окрашенные его собственной интенцией. В «Перчатке» та же форма повествования от третьего лица значительно отлична в интонационном плане: оценочные и эмфатически окрашенные эпитеты отсутствуют вообще, рассказчик спокоен и бесстрастен, он – абстрактный повествователь, который, описывая ситуацию, вводит читателя в курс происходящих событий. «Перчатка» – это прежде всего объективное повествование, из которого элиминированы субъективное начало и основные формы выражения авторской позиции.

Основу диалогии баллад «Ныряльщик» и «Перчатка» составляет один сюжет, реализованный в двух различных типах нарратива. Возможно, именно поэтому в неизданном «Общем оглавлении» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского, которое, по мнению С. А. Матяш, представляет собой жанровую классификацию произведений поэта, сам В. А. Жуковский отнес «Перчатку» в раздел повестей и сказок, в то время как «Кубок» включен в отдел баллад [4, с. 153].

Сравнение немецких и русских интерпретаций жанрового своеобразия произведений Ф. Шиллера позволяет проследить процесс вхождения произведений немецкого поэта, их поэтики и духовной ауры в контекст литературного развития России. Балладная диалогия Шиллера на протяжении довольно долгого времени воспринималась русскими поэтами как таковая вплоть до своего логического предела – весьма оригинальных контаминаций двух сюжетов в одном произведении, которое, таким образом, будучи оригинальным лирическим текстом, является в то же время адаптацией образно-смысловых элементов шиллеровских текстов.

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Полн. собр. соч.: в 13-ти т. М., 1956. Т. 7. 556 с.
2. **Иезуитова Р. В.** Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука; Ленингр. отделение АН СССР, 1978. С. 138-163.
3. **Лебедева О. Б.** Жанровая система переводов В. А. Жуковского из Шиллера // Проблемы метода и жанра. Томск, 1988. Вып. 14. С. 71-82.
4. **Матяш С. А.** Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского // Русская литература. Л., 1974. № 2. С. 150-154.
5. **Словарь литературоведческих терминов** / под ред. Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. 345 с.
6. **Götzinger M. W.** Deutsche Dichter. Leipzig: Verlag von Joh. Friedr. Hartknoch, 1844. Teil 1. 708 S.
7. **Oellers N.** Der umgekehrte Zweck der Erzählung «Der Handschuh»: Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft, 1976. 20. Jahrgang. S. 387-401.
8. **Schillers Werke Nationalausgabe** / hrsg. von Norbert Oellers und Frithjof Stock, Weimar, Hermann Böhlau Nachfolger, 1981. Bd. 37. T. 1. Briefe an Schiller 1.4.1797-31.10.1798 (Text). 376 S.
9. **Segelbrecht W.** Die tödliche Lösung «Lang lebe der König». Zu Schillers Ballade «Der Taucher» // Gedichte und Interpretationen. 1988. S. 113-132.
10. **Sulzer J. G.** Allgemeine Theorie der Schönen Künste. Leipzig, 1778. Teil 2. 186 S.

ON ISSUE OF GENRE ORIGINALITY OF F. SCHILLER'S BALLADS "DER TAUCHER" ("THE DIVER") AND "DER HANDSCHUH" ("THE GLOVE") IN GERMANY AND RUSSIA

Shcherbakova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
olga2402@mail.ru

In the article the complex comparative analysis of the literary-critical and philological interpretations of the genre features of F. Schiller's ballads in the Russian and German philological traditions is made. Studying the features of F. Schiller's ballads reception allows composing the full picture of F. Schiller's ballads perception in Germany and Russia, revealing similar and opposite opinions about the moral agenda of F. Schiller's ballads and the correlation essence of ballads plots in both national cultures.

Key words and phrases: ballad; short story; F. Schiller; interpretation; reception; V. A. Zhukovsky.